

Побуждение Ума
Самурай, который идет к
реке

Побуждение Ума

Самурай, который идет к реке

<https://litres.ru/73568274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый самурай сорок лет штурмовал неприступный замок, веря, что счастье ждет за его стенами. У ворот он оставляет меч и уходит к реке.

Эта книга — не карта к замку, а компас к реке. Вместе с самураем и его учеником вы пройдете путь от погони за целями к искусству присутствия. Река станет учителем: она научит не бояться сопротивления, доверять течению, быть гибким, честным, постоянным — и при этом обновляться каждую секунду.

Вы узнаете, почему счастье не награда в конце пути, а качество самого движения. Как превратить рутину в ритуал, а страх смерти — в самого честного советчика. И главное — как вернуться в мир с мечом в руке, не выпуская весла.

Счастье не там, где вы идете. Оно в том, как вы идете.

Содержание

Введение: Заблуждение Замка	4
Глава 1: Погоня за призраком	23
Глава 2: Иллюзия «там»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Побуждение Ума Самурай, который идет к реке

Введение: Заблуждение Замка

I

Он стоял у ворот уже сорок лет.

Не физически, разумеется. Физически он стоял здесь только сейчас, в этот самый миг, когда холодный ветер с гор трепал седые пряди его волос, а пальцы, привыкшие сжимать рукоять меча с такой силой, что дерево стонало, сейчас держали этот самый меч странно — расслабленно, почти неведомо.

Но внутренне он стоял у этих ворот четыре десятилетия.

Замок возвышался перед ним — неприступный, величественный, высеченный из темного камня, который, казалось, впитывал в себя свет. Стены уходили в небо, теряясь в низких облаках. Башни, похожие на копыта великанов, пронзали серое небо. Ворота были заперты. Никто не знал, что внутри.

Никто из живых не проходил за эти стены.

Но все говорили, что там — счастье.

В детстве его отец говорил: «Когда ты войдешь в замок, ты станешь настоящим воином». В юности наставники шептались: «Секрет непобедимости — за этими стенами». В зрелости жена, которую он любил, сказала перед смертью: «Я знаю, ты должен идти. Твой путь — туда». Друзья, враги, странствующие монахи, даже случайные путники на дороге — все указывали на замок.

«Там твое счастье», — говорили они. «Достигни — и обретешь».

И он шел.

Он шел через леса, где ветки хлестали по лицу. Он переплывал реки, которые норовили утянуть его на дно. Он терял товарищей в битвах с чудовищами, которые, как ему казалось, охраняли подходы к замку. Он поднимался по склонам, где каждый камень норовил выскользнуть из-под ноги, чтобы сбросить его в пропасть.

Он достиг всего, что только можно достичь в мире воина. Ему предлагали стать генералом, советником императо-

ра, главой самого могущественного клана в провинции. Он отказывался. Он не мог остановиться. Потому что замок все еще был заперт.

Когда я войду, — думал он, — тогда я буду счастлив.

И вот он здесь.

Сорок лет пути.

И ворота по-прежнему заперты.

II

Молодой ученик — мальчишка лет семнадцати, который прибил к нему три года назад, полный огня и желания доказать миру свою ценность — стоял рядом, тяжело дыша после последнего перехода. Его лицо покраснелось, на лбу выступила испарина, глаза горели тем особенным светом, который бывает только у тех, кто почти коснулся мечты.

— Господин! — голос ученика дрожал от волнения. — Мы дошли! Мы у цели! Еще один шаг, и ты войдешь!

Старый самурай молчал. Он смотрел на ворота.

Они были такими же, как сорок лет назад. Ничуть не бли-

же. Ничуть не более открытыми. Странное чувство начало подниматься в груди — незнакомое, липкое, холодное. Он пытался его распознать и не мог. Это не была усталость. Не боль. Не разочарование.

Это было опустошение.

Он стоял у цели, к которой стремился всю жизнь, и чувствовал... ничего.

— Господин? — ученик обеспокоенно шагнул вперед. — Что с вами? Мы почти там!

— Где «там»? — голос самурая прозвучал хрипло. Он не узнал свой голос.

— В замке! За этими воротами!

— А что за воротами?

Ученик замешкался. Потом выпалил:

— Счастье! То, к чему вы стремились! То, ради чего вы шли! То, о чем вы мечтали!

— А ты видел это счастье? — самурай медленно повер-

нулся к ученику. — Ты знаешь кого-то, кто вошел в эти ворота и вышел оттуда счастливым?

Ученик открыл рот и закрыл его. Он оглянулся на замок, потом на учителя, потом снова на замок.

— Но... все говорят...

— Все говорят, — повторил самурай. В его голосе не было горечи. Только усталость. Такая глубокая, что она, казалось, тянулась из самого дна его существа. — Все говорят. Сорок лет я слушал, что говорят все. Я слушал отца, мать, наставников, друзей, врагов, императора, нищих на дороге. Все они указывали на этот замок. И никто из них не был внутри.

Он помолчал.

— Никто из них не знает, что там.

Ученик выглядел растерянным. Его мир, такой простой и понятный еще минуту назад — цель, путь, достижение, счастье — начинал трещать по швам.

— Но вы же не можете просто... развернуться и уйти? — прошептал он. — После всего? После сорока лет? После того, как вы пожертвовали всем?

Самурай посмотрел на ученика. В его взгляде не было жалости к себе. Было что-то другое — то, что ученик не мог распознать. Это было похоже на рассвет. На тот момент, когда темнота еще не отступила, но первые лучи уже касаются горизонта, и ты понимаешь: ночь кончилась.

— Именно поэтому я должен уйти, — сказал самурай. — Потому что я пожертвовал всем. Потому что я отдал сорок лет. Если я войду сейчас только потому, что потратил сорок лет на дорогу — это будет не мудрость, это будет трусость.

— Трусость? — ученик не верил своим ушам.

— Трусость перед лицом правды. Самый страшный вид трусости — это продолжать идти неверной дорогой только потому, что ты уже далеко зашел. Сорок лет — это огромная цена. Но она не станет меньше, если я заплачу ее еще раз. Она не превратится в мудрость, если я заплачу ее дважды.

Медленно, почти торжественно, старый самурай наклонился и положил меч на землю.

Лезвие звякнуло о камень — тихо, но этот звук прокатился по ущелью, как удар колокола. Меч, который прошел с ним все битвы. Меч, который был продолжением его руки.

Меч, который он ни разу не выпускал из ладони за сорок лет.

Он лежал на земле, и это было похоже на похороны. И одновременно — на рождение.

Ученик смотрел на меч с ужасом.

— Господин... что вы делаете?

Самурай выпрямился. Он посмотрел на замок в последний раз. Стены были все так же высоки. Ворота все так же закрыты. Но что-то изменилось. Впервые за сорок лет он смотрел на них не снизу вверх. Он смотрел на них... как на декорацию. Как на стену, за которой ничего нет.

— Я искал вход туда, чтобы стать счастливым, — сказал он, и голос его вдруг обрел ясность, которой не было сорок лет. — Но теперь я понял: счастье не ждет за этими стенами.

Он повернулся спиной к замку.

— Я иду к реке.

III

Он сделал первый шаг.

Не к замку. От замка.

Ученик стоял, не в силах двинуться с места. Он смотрел то на меч, брошенный на камнях, то на спину учителя, которая медленно удалялась. Его разум кричал: «Это безумие! Вернись! Ты столько лет шел! Ты почти достиг! Не смей сдаваться!»

Но что-то другое — более глубокое, чем разум, более древнее, чем все страхи, которые в него вложили — шептало: «Иди за ним».

Он побежал.

— Господин! — крикнул он, догоняя. — Господин, подождите! Куда вы? Какая река? Какое счастье может быть у реки? Там нет славы! Там нет почестей! Там никто не узнает вашего имени! Там никто не скажет, что вы достигли!

Самурай не обернулся. Но его шаг стал чуть медленнее, позволяя ученику идти рядом.

— Скажи мне, — спросил он, не глядя на ученика. — Ради чего ты идешь?

— Ради... ради того, чтобы стать сильным, как вы!

— А зачем тебе сила?

— Чтобы... чтобы достигать целей!

— А зачем тебе достигать целей?

Ученик замолчал. Потом сказал неуверенно:

— Чтобы быть счастливым.

— Значит, счастье — это конечная цель?

— Да!

— А ты когда-нибудь был счастлив?

Ученик снова замолчал. Дольше. В его памяти всплыли обрывки — игра с друзьями в детстве, первый пойманный на удочку карп, момент, когда учитель впервые похвалил его за правильно выполненный удар. Эти моменты были краткими, как вспышка молнии. И всегда — всегда — они были не «после». Они были «во время».

— Был, — сказал он тихо. — Но это было давно. И это длилось недолго.

— А когда ты достигал чего-то большого — получал новый меч, выигрывал состязание, заслуживал похвалу — это чувство было сильнее?

Ученик хотел сказать «да». Это был правильный ответ. Это был ответ, который ждал учитель. Это был ответ, который подтверждал, что его жизнь имеет смысл.

Но он не мог.

Потому что это была неправда.

— Нет, — прошептал он. — Это было... пусто. Я думал, что обрадуюсь, а обрадовался — и все. А потом нужно было снова что-то достигать.

— Именно, — сказал самурай. — Именно.

IV

Они шли молча. Под ногами хрустел гравий, ветер гнал сухие листья по дороге, уводящей прочь от замка.

Самурай думал. Его мысли были медленными, как течение реки, к которой он направлялся. В них не было прежней лихорадочности, не было бесконечных расчетов: «как обой-

ти эту стену», «как открыть эти ворота», «что я скажу, когда войду».

Впервые за сорок лет в его голове было тихо.

И в этой тишине он начал понимать.

Замок был не врагом. Врагом была не стена, которую нужно штурмовать. Врагом была идея, что счастье находится за стеной. Эта идея украла у него жизнь. Не замок — а вера в то, что счастье — это пункт назначения.

Сорок лет он жил в будущем. Каждый день был лишь средством добраться до следующего дня. Каждая битва была лишь ступенькой. Каждая победа была лишь билетом. Он никогда не был здесь. Он всегда был по пути туда.

Он вспомнил, как отец учил его держать меч. Рука отца была теплой и тяжелой на его детском запястье. Отец говорил: «Смотри на кончик клинка. Никогда не своди с него глаз. Это твоя цель». И он смотрел. Сорок лет он смотрел на кончик клинка. И не замечал, как отец улыбается. Не замечал, как солнце золотит бамбуковую рощу за спиной отца. Не замечал, как пахнет утренний чай, который мать поставила на веранду.

Он был слишком занят целью, чтобы заметить жизнь.

И сейчас, стоя у ворот замка, он понял: даже если бы ворота открылись, даже если бы он вошел, даже если бы за ними оказалось все счастье мира — он бы его не узнал. Потому что он разучился быть здесь. Он был мастером достижения. Но он был учеником жизни.

И это было самое горькое открытие его долгого пути.

V

Но в этой горечи таилось нечто другое. Нечто, что росло в его груди, пока он шел по дороге, уводящей от замка.

Это не было счастьем. Это было чем-то более хрупким и более реальным. Это было похоже на первый солнечный луч после затяжной зимы — он не греет, но ты уже знаешь: лед тронется.

Я могу начать заново, — подумал он. — Я могу научиться быть здесь. Я могу научиться видеть не только цель, но и путь. Я могу научиться жить.

Страх шептал ему на ухо: «Слишком поздно. Ты потратил сорок лет. Ты старик. Что ты можешь изменить?»

Но другой голос — более тихий, более глубокий — отвечал: «У тебя есть сейчас. Это все, что когда-либо было. И это все, что когда-либо нужно».

Он посмотрел на ученика, который шел рядом, все еще растерянный, все еще напуганный, но уже не отстающий.

— Ты боишься? — спросил самурай.

— Да, — признался ученик. — Я боюсь, что мы делаем ошибку. Я боюсь, что мы отказываемся от счастья.

— А что такое счастье, по-твоему?

Ученик долго молчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Я думал, что знаю. Теперь — не знаю.

— Это хорошо, — сказал самурай.

— Хорошо? — ученик удивился. — Не знать?

— Не знать — это начало мудрости. Тот, кто уверен, что знает, что такое счастье — особенно если он никогда его не испытывал — тот заперт в своей уверенности, как в темнице. А тот, кто признает, что не знает — тот открыт. Открыт

тому, чтобы узнать. Открыт тому, чтобы удивиться. Открыт тому, чтобы найти не то, что ему сказали искать, а то, что действительно есть.

Самурай остановился. Он поднял руку и указал куда-то вперед, за поворот дороги.

— Там, — сказал он, — река.

Ученик всмотрелся вдаль. Он не видел реки. Он видел только деревья, камни и клубящийся туман.

— Я не вижу, — признался он.

— Я тоже не вижу, — сказал самурай. — Но я знаю, что она там. Я чувствую влажность воздуха. Я слышу, как ветер меняет свой голос. Я знаю, что вода есть.

Он сделал паузу.

— Это не похоже на замок. Река не обещает мне счастья. Река не говорит: «Приди — и будешь удовлетворен». Река просто есть. Она течет. Она не ждет, когда я приду. Она не изменится, когда я уйду. Но когда я сяду на ее берегу... возможно, я наконец научусь сидеть. Не штурмовать. Не достигать. Не доказывать. Просто — сидеть. И быть.

Он повернулся к ученику. В его глазах не было прежней стали. Не было твердости воина, который идет в бой. В них было что-то другое — мягкое, текучее, живое.

— Я не знаю, что ждет меня у реки, — сказал он. — Я не знаю, найду ли я там то, что искал сорок лет. Возможно, я вообще ничего не найду. Возможно, я просто сяду и буду смотреть на воду, пока не наступит ночь. А наутро встану и снова сяду. И это будет все.

— И это будет... счастье? — спросил ученик.

Самурай улыбнулся. Впервые за много лет. Не улыбку воина, готового к удару. Не улыбку победителя, принимающего почести. Простую, человеческую улыбку.

— Я перестал задавать этот вопрос, — сказал он. — Это и есть первый шаг.

VI

Возможно, вы ждете от этой книги карты.

Вы хотите знать: где находится ваш замок? Как его штурмовать? Как открыть ворота? Как, наконец, войти и стать счастливым?

Я не дам вам этой карты.

Потому что я понял то же, что и старый самурай: счастье не ждет за стенами замка. Счастье не ждет в конце пути. Счастье не ждет, когда вы достигнете определенного уровня дохода, купите дом, найдете партнера, родите детей, получите повышение, похудеете, разбогатеете, станете знаменитыми.

Счастье не ждет.

Оно здесь. Оно было здесь все время. Но вы не могли его увидеть, потому что смотрели не на него. Вы смотрели на замок. Вы смотрели на горизонт. Вы смотрели туда, куда вели смотреть другие.

Эта книга — не карта к замку.

Это компас к реке.

Я не скажу вам, где находится ваша река. Я не знаю. Река у каждого своя. Для кого-то это тишина раннего утра, когда весь дом еще спит. Для кого-то — разговор с другом, который слушает, не перебивая. Для кого-то — работа, которая перестает быть способом заработать деньги и становится способом быть собой. Для кого-то — просто сидение на

берегу, никуда не спеша, ничего не доказывая.

Я не знаю, где ваша река.

Но я знаю, как туда идти.

И первый шаг — такой же, как у старого самурая: нужно положить меч. Нужно перестать штурмовать. Нужно признать, что вы не знаете, что такое счастье. Нужно перестать верить в замок.

Это страшно.

Я знаю. Сорок лет привычки не проходят за один день. Голоса, которые говорят вам, что нужно достигать, доказывать, завоевывать, покорять — они не замолкают просто потому, что вы решили идти к реке. Они будут кричать. Они будут стыдить. Они будут пугать.

Но если вы сделаете первый шаг — не к замку, а от замка — вы услышите кое-что еще.

Вы услышите воду.

Она течет. Она всегда текла. Она ждала, пока вы перестанете штурмовать стены и просто сядете на берег.

VII

Итак, эта книга — приглашение.

Приглашение положить меч. Приглашение развернуться спиной к замку, который вы штурмуете, возможно, уже не сорок лет, но достаточно долго для того, чтобы забыть, ради чего все это было затеяно. Приглашение пойти к реке.

Мы не будем искать счастья.

Мы перестанем его искать.

Потому что счастье, за которым гонятся, всегда ускользает. Оно как горизонт — чем быстрее вы идете, тем дальше он отодвигается. Но если остановиться. Если сесть. Если просто быть здесь, сейчас, в этом моменте...

Возможно, вы обнаружите, что горизонт был не там. Возможно, вы обнаружите, что счастье — это не пункт назначения. Возможно, вы обнаружите, что счастье — это сама способность идти. Сидеть. Дышать. Быть.

В следующих главах старый самурай пойдет к реке. Он будет учиться заново — смотреть, слушать, чувствовать, не оценивая, не сравнивая, не стремясь захватить и покорить.

Он будет учиться быть, а не становиться.

Я приглашаю вас идти с ним.

Не потому, что в конце пути вас ждет награда.

А потому, что сам путь — и есть ответ.

Дорога к реке открывается только тогда, когда вы перестаете смотреть на замок.

Так начинается эта книга.

Так начинается путь.

Часть 1: Меч и Цель
Так начинается жизнь, которая всегда была здесь, но которую вы никогда не замечали, потому что были слишком заняты — штурмом.

Глава 1: Погоня за призраком

I

Утро было прохладным, но обещало стать жарким. Солнце только начало подниматься над грядой холмов, и его первые лучи золотили верхушки сосен, оставляя долину в тени. Река, к которой они шли уже третий день, пока не показывалась, но воздух становился влажнее, а земля под ногами — мягче.

Ученик шел впереди, и его шаг был упругим, полным той особой энергии, которая бывает у молодых, когда они уверены, что их жизнь еще впереди и все самое важное только предстоит. Старый самурай плелся сзади, но не потому, что уставал — он просто не видел смысла спешить. Дорога никуда не убегала. Река никуда не торопилась.

— Господин, — ученик обернулся, и его глаза горели. — Я хочу спросить вас кое о чем.

— Спрашивай.

— Когда я получу свой первый настоящий меч... я буду счастлив?

Самурай остановился. Он посмотрел на ученика долгим взглядом, в котором смешались удивление, печаль и что-то похожее на узнавание. Сорок лет назад он сам задал этот же вопрос. Другому учителю. Другим словами. Но смысл был тот же.

— Почему ты решил, что меч сделает тебя счастливым?
— спросил он.

Ученик пожал плечами, но в этом пожатии была небрежность только внешняя. На самом деле он готовил этот вопрос несколько дней, обдумывал, подбирая слова.

— Потому что с мечом я стану настоящим воином. Сейчас я никто. У меня даже нет своего меча — только учебный, деревянный. Когда я получу настоящий клинок... тогда я буду чего-то стоить. Тогда я смогу смотреть на себя в зеркало без стыда. Тогда...

Он хотел сказать еще что-то, но запнулся. Слова заканчивались. Оставалось только это сладкое и мучительное «тогда», которое обещало все, но не давало ничего.

Самурай неожиданно рассмеялся.

Это был не громкий смех, не насмешливый. Это был смех

человека, который узнал себя в глупом поступке, совершенном много лет назад, и теперь, оглядываясь, удивляется собственной слепоте.

— А потом? — спросил он.

— Что — потом? — ученик нахмурился. Ему не нравилось, когда над ним смеялись.

— Ты получишь первый меч. И что потом?

— Потом... — ученик задумался. — Потом я стану лучше. Сильнее. Смогу побеждать в состязаниях.

— Хорошо. Ты станешь сильнее. И что потом?

— Потом я получу лучший меч. Тот, который выковал мастер Хидэёси. Серебряная рукоять, клинок из голубой стали...

— А потом?

— Потом... я стану наставником. У меня будут свои ученики. Я буду передавать знания. Меня будут уважать.

— А потом?

Ученик замолчал. Он не знал, что будет потом. Потом — это был горизонт, за который он не заглядывал. Потом — это было место, где кончались мечты, потому что мечты всегда заканчиваются на достижении. Что там, за достижением? Он никогда об этом не думал.

— А потом... наверное, я буду счастлив, — сказал он, но в голосе уже не было прежней уверенности.

Самурай подошел к нему и положил руку на плечо. Жест был неожиданно мягким для человека, чьи руки привыкли сжимать меч.

— Скажи мне, — спросил он тихо. — Где в этой цепочке находится само счастье? После первого меча? После лучшего меча? После того, как ты станешь наставником? После того, как твои ученики вырастут и превзойдут тебя? Где? Когда?

Ученик открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я... я не знаю.

— Ты не знаешь, — кивнул самурай. — И это хорошо. Потому что это первый шаг к тому, чтобы понять нечто важ-

ное. Счастье, которое ты откладываешь на потом, никогда не наступает. Потому что «потом» не существует.

Он отпустил плечо ученика и пошел дальше. Ученик стоял, переваривая услышанное, потом сорвался с места и догнал учителя.

— Но как же так? — спросил он, почти крича. — Все говорят, что нужно стремиться! Что нужно достигать! Что счастье — это награда за усилия! Если я не буду думать о будущем, о целях, о том, кем я стану, то зачем вообще жить?

— Я не говорю, что не нужно думать о будущем, — терпеливо ответил самурай. — Я спрашиваю: где в этом будущем ты? Где твоя жизнь? Если ты всегда будешь жить ради того, что случится завтра, то что случится с сегодняшним днем? Он пройдет. Ты его не заметишь. А завтра наступит — и окажется, что это всего лишь еще один сегодняшний день, который ты тоже не заметишь, потому что будешь ждать послезавтра.

Он помолчал.

— Знаешь, как называют человека, который всю жизнь живет ради будущего, не замечая настоящего?

— Как? — спросил ученик.

— Мертвец, который еще не лег в могилу.

II

Они шли молча. Ученик думал. Слова учителя задели что-то глубоко внутри — ту самую струну, о существовании которой он даже не подозревал.

Потому что, если быть честным, он жил в режиме «когда-я-то» всю свою сознательную жизнь.

Когда я вырасту...

Он помнил себя мальчишкой, который сидел на крыше дома и смотрел на взрослых, возвращающихся с полей. У них были мозолистые руки, усталые спины, но в их взглядах была какая-то уверенность, которой у него, маленького, не было. Когда я вырасту, я стану сильным, как они, — думал он. И ждал. Дни тянулись медленно, но он ждал.

Он вырос.

Сильным он, возможно, стал. Но чувство, что он «еще не дорос» до настоящей жизни, никуда не делось. Просто сменило форму.

Когда я получу первый меч...

Теперь он ждал меча. И был уверен: как только в его руках окажется настоящий клинок, все изменится. Он станет другим. Он станет настоящим. Он станет счастливым.

Но сейчас, после слов учителя, он впервые задал себе вопрос: а что, если не изменится?

Что, если он получит меч, и ничего не произойдет?

Мысль была такой холодной и пугающей, что он попытался отогнать ее. Но она не уходила. Она сидела в нем, как заноза, напоминая о себе при каждом шаге.

— Господин, — сказал он наконец. — А у вас так было? Вы тоже... ждали? Откладывали?

Самурай не ответил сразу. Он шел, глядя на дорогу, и его лицо было непроницаемым, как поверхность старого пруда, который не колышет ветер.

— Я ждал сорок лет, — сказал он наконец. — Сначала я ждал, когда стану учеником. Потом — когда получу свой первый меч. Потом — когда меня признают воином. Потом

— когда я выиграю свое первое сражение. Потом — когда меня сделают наставником. Потом — когда я открою свою школу. Потом — когда я покорю замок.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Каждый раз, когда я достигал цели, счастье приходило. Ненадолго. На день. На два. А потом уходило. И я думал: «Значит, это была не та цель. Нужна цель побольше». И ставил новую. И снова достигал. И снова чувствовал пустоту. И снова ставил новую.

Он остановился и посмотрел на ученика. В его глазах была такая глубина, что ученик на мгновение испугался — будто заглянул в колодец и не увидел дна.

— Сорок лет, мальчик. Я ставил цели, достигал их, ставил новые. И только у ворот замка я понял: я бежал по кругу. Счастье не было в конце. Его вообще не было в этих целях. Я гнался за призраком.

— За призраком? — переспросил ученик.

— Представь, что ты гонишься за своей тенью, — сказал самурай. — Чем быстрее ты бежишь, тем быстрее убегает тень. Ты думаешь: «Вот сейчас, еще немного, и я ее настиг-

ну». Но ты никогда ее не настигнешь, потому что тень не находится впереди. Она всегда позади. Она следует за тобой, а не бежит от тебя.

Он указал на землю, где их тени, вытянутые утренним солнцем, тянулись за ними длинными темными полосами.

— Счастье — не то, что ты догоняешь. Счастье — это то, что случается, когда ты перестаешь гнаться.

Ш

В ту ночь они разбили лагерь в небольшой роще, недалеко от дороги. Ученик сидел у костра, глядя на пламя, и слова учителя все еще звучали в его голове. Он пытался их понять, но они ускользали, как вода сквозь пальцы.

— Господин, — спросил он. — А как же тогда жить? Если не стремиться к целям, не ждать счастья в будущем — то что? Лечь и умереть?

Самурай помешивал угли палкой. Оранжевые искры взлетали в темноту и гасли, не долетев до звезд.

— Я не говорю, что не нужно стремиться. Я говорю: перестань думать, что счастье находится там, куда ты стремишься. Понимаешь разницу?

— Не очень, — честно признался ученик.

Самурай отложил палку. Он набрал горсть мелких камешков и высыпал их на плоский камень, лежащий между ними.

— Смотри, — сказал он. — Каждый камень — это цель. Стать воином. Получить меч. Открыть школу. Покорить замок. Хорошо?

Ученик кивнул.

— Ты говоришь: я буду счастлив, когда достигну этого камня. Потом — этого. Потом — этого. Твоя жизнь превращается в прыжок от камня к камню. Ты не смотришь по сторонам. Ты не чувствуешь, как дует ветер. Ты не замечаешь, какое сегодня небо. Ты только смотришь на следующий камень. И когда ты на него встаешь, ты тут же ищешь следующий.

Он сгреб камни в кучу и отодвинул их в сторону.

— А теперь представь, что ты не прыгаешь. Ты идешь. Медленно. Внимательно. Ты смотришь под ноги, но ты видишь и то, что вокруг. Камни на пути — они есть. Ты их проходишь. Иногда ты останавливаешься, чтобы рассмот-

реть какой-то особенно красивый. Иногда ты обходишь тот, который тебе не нужен. Но ты не ждешь, что какой-то камень сделает тебя счастливым. Потому что счастье — это не камень. Счастье — это сама способность идти.

— Но как же... — ученик запнулся. — Как же тогда узнать, правильно ли я иду? Если нет цели, как понять, что я не заблудился?

— Кто сказал, что нет цели? — самурай улыбнулся. — Цели есть. Но они не должны быть хозяевами твоей жизни. Они должны быть слугами.

— Слугами?

— Цель — это направление. Как река течет к океану, но не думает об океане каждую секунду. Она просто течет. Она знает, куда, но она не говорит: «Я буду счастлива только тогда, когда достигну океана». Она счастлива, когда течет. Когда журчит по камням. Когда отражает облака. Когда поит зверей. Океан будет. Но река не жертвует собой ради океана. Она живет. И океан приходит сам, как итог, как завершение, но не как награда, ради которой стоило отказываться от всего остального.

Ученик долго молчал, глядя на угли, которые медленно

гасли, превращаясь в пепел.

— Я никогда так не думал, — сказал он наконец. — Меня учили по-другому. Меня учили, что нужно жертвовать сегодняшним днем ради завтрашнего. Что счастье нужно заслужить. Что оно — награда для тех, кто достаточно страдал и достаточно работал.

— Меня учили тому же, — сказал самурай. — И я верил. Сорок лет. А потом я спросил себя: если счастье — это награда, которую нужно заслужить страданием, то почему столько людей, которые много страдали, не стали счастливыми? И почему столько людей, которые почти не страдали, счастливы?

— И что ты ответил себе?

— Я ответил, что счастье не продается. Его нельзя заработать, как монету. Его нельзя заслужить, как похвалу. Его можно только... принять. Как дождь. Как ветер. Как рассвет. Они приходят, когда приходят. Не потому, что ты их заслужил. А потому, что они — часть жизни. И если ты закрываешься от них, ожидая, что сначала нужно выполнить все условия, то ты просто не замечаешь, как они приходят и уходят. Ты остаешься в своем ожидании. А жизнь проходит.

IV

На следующее утро ученик проснулся раньше учителя. Он сидел у догоревшего костра и думал. В его голове ворочалась тяжелая мысль — он пытался сформулировать ее, но слова не складывались.

Когда самурай открыл глаза, ученик спросил:

— Господин, а что, если я вообще никогда не получу меч? Если я так и останусь с деревяшкой в руках? Тогда... тогда моя жизнь будет бессмысленной?

Самурай сел. Он потянулся, хрустнув суставами, и посмотрел на ученика с неожиданной теплотой.

— Ты хочешь получить меч, потому что думаешь, что без него ты — неполноценный. Что меч сделает тебя цельным. Что он добавит тебе ценности. Правильно?

Ученик кивнул, хотя ему было стыдно признаваться в этом.

— Это самая большая ловушка, в которую может попасть человек, — сказал самурай. — Верить, что счастье находится вне тебя. В мече. В замке. В признании. В деньгах. В женщине. В чем угодно, что не является тобой.

Он встал и отряхнул одежду.

— Слушай. Я знал одного человека. Он был торговцем. Начинал с нуля — с одной телеги и двух мешков риса. Он работал день и ночь. Он говорил: «Когда у меня будет сто мешков риса, я буду счастливым». У него появилось сто мешков. Он не стал счастливым. Он сказал: «Когда у меня будет десять телег и тысяча мешков, я буду счастливым». У него появилось десять телег и тысяча мешков. Он не стал счастливым. Он сказал: «Когда у меня будет собственный склад и флот из пяти кораблей, я буду счастливым». У него появился склад и флот. Он не стал счастливым.

— И что с ним случилось? — спросил ученик.

— Он разорился, — сказал самурай. — Шторм разбил корабли, пожар уничтожил склад. Он остался с одной телегой и двумя мешками риса. И тогда он сел на обочине дороги и заплакал. Ему было шестьдесят лет. Он думал, что его жизнь кончена.

— И что потом?

— Потом к нему подошел странствующий монах. Монах сел рядом и сказал: «Я вижу, ты потерял все, что имел». Тор-

говец сказал: «Да, я потерял все. Моя жизнь кончена». Монах спросил: «А то, что ты искал в этих мешках, в этих телегах, в этих кораблях — ты нашел это когда-нибудь?» Торговец поднял голову. Он посмотрел на монаха. Он хотел сказать «да», но не смог. Потому что это было неправдой.

Самурай помолчал.

— Монах сказал ему: «Ты гнался за призраком сорок лет. И ты думаешь, что потерял все. Но на самом деле ты потерял только то, что не могло дать тебе счастья. У тебя осталось то, с чего ты начинал: телега, два мешка риса и жизнь, которая продолжается. Может быть, теперь ты перестанешь гнаться и просто поедешь?»

— И он поехал? — спросил ученик.

— Он поехал. Он перестал считать мешки. Он перестал строить планы на миллион. Он просто ехал по дорогам, торговал понемногу, ночевал у рек, смотрел на звезды. Он не стал счастливым в том смысле, в каком он раньше понимал счастье. Но он перестал быть несчастным. И это было больше, чем он имел за все предыдущие сорок лет.

Ученик молчал, переваривая историю. Потом спросил:

— А вы знаете, что случилось с ним потом?

— Знаю, — сказал самурай. — Он умер через три года. Сидя под деревом. С улыбкой на лице. Мешки с рисом стояли рядом. Но он их даже не продал в тот день. Он просто сидел и смотрел, как солнце садится за холмы. И это было его последнее счастье — не купленное, не заработанное, не отложенное на потом. Просто момент, который он не пропустил.

V

Они двинулись дальше. Дорога шла вдоль невысокого хребта, и с нее открывался вид на долину, раскинувшуюся внизу, зеленую и спокойную. Где-то там, вдалеке, блеснула вода — возможно, та самая река, к которой они шли.

Но ученик не смотрел на реку. Он смотрел внутрь себя, и там, внутри, происходило что-то важное.

Он вдруг осознал, что его жизнь — это бесконечная чередка «когда-я-то».

Когда я научусь правильно держать меч...

Когда я выиграю первые состязания...

Когда учитель назовет меня достойным...

Когда я получу настоящий клинок...

Когда я... когда я... когда я...

Он никогда не был здесь. Он всегда был там. Он жил в будущем, которое никогда не наступало, потому что, когда оно наступало, он тут же отодвигал его еще дальше, ставя новую цель, новое «когда».

И впервые за свою жизнь он спросил себя: а что, если я никогда не получу меч? Что, если я никогда не стану тем, кем хочу стать? Что, если завтра умру? Я прожил свою жизнь или только готовился к ней?

Ответ был страшным.

Он только готовился.

Вся его жизнь, все его дни, все его усилия — это была подготовка к жизни, которая так и не началась. Потому что она должна была начаться после. После того, как он станет достаточно хорошим. После того, как он заслужит право быть счастливым. После того, как он докажет, что достоин.

Но «после» никогда не наступало.

Он шел по дороге, и ноги несли его вперед, а внутри все сжималось от внезапного, острого, почти физического чувства утраты. Он потерял не что-то, что у него было. Он потерял то, чего у него никогда не было — свою собственную жизнь, которая проходила мимо, пока он смотрел на горизонт.

— Господин, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я боюсь.

— Чего?

— Я боюсь, что я так и не начну жить. Что я всегда буду ждать. Что я получу меч, а потом буду ждать чего-то еще. Что это никогда не кончится.

Самурай остановился. Он повернулся к ученику и положил обе руки ему на плечи. Его лицо было серьезным, но не суровым.

— Это не кончится, — сказал он. — Если ты не остановишься сам.

— Как?

— Остановись. Прямо сейчас. Не жди, пока получишь меч. Не жди, пока станешь кем-то. Просто остановись и посмотри. Что ты видишь?

Ученик огляделся. Он видел дорогу, холмы, небо, облака, далекий блеск воды. Он видел траву, которая шевелилась от ветра. Он видел бабочку, которая перелетела с одного цветка на другой. Он видел своего учителя, стоящего перед ним, живого, теплого, настоящего.

— Я вижу... мир, — сказал он растерянно.

— Вот он, — сказал самурай. — Твоя жизнь. Не та, которая начнется после. А та, которая уже есть. Она здесь. Прямо сейчас. Ты чувствуешь ветер? Ты видишь свет? Ты слышишь, как поет птица? Это и есть жизнь. Не та, которую ты отложил на потом. Та, которую ты уже живешь.

Он отпустил плечи ученика.

— Ты можешь ждать меча еще десять лет. Или получить его завтра. Но то, что ты чувствуешь сейчас — этот ветер, этот свет, этот момент — он не станет более настоящим, когда в твоей руке окажется сталь. Он уже настоящий. Он уже есть. И если ты не научишься замечать его сейчас, ты не на-

учишься замечать его и тогда. Потому что тогда ты будешь ждать чего-то другого.

Ученик стоял, и ветер шевелил его волосы. Солнце светило ему в лицо. Птица пела где-то в кустах.

И он впервые за много лет не думал о том, что будет завтра. Он просто стоял. И чувствовал. И это было странно. И это было страшно. И это было... настоящее.

VI

Той ночью ученик не мог уснуть. Он лежал на спине, глядя на звезды, и слова учителя продолжали звучать в его голове. Но теперь к ним добавилось что-то еще — не слова, а ощущение. Ощущение, что мир, который он считал серым и скучным, вдруг обрел цвет.

Он думал о том, как много дней проходило мимо него, пока он смотрел в будущее. Как много рассветов он не заметил, потому что вставал затемно, чтобы тренироваться ради будущей победы. Как много разговоров с друзьями он пропустил, потому что думал о том, как станет сильнее и заслужит их уважение. Как много мгновений просто быть он потерял, потому что слишком торопился стать.

Он вспомнил, как в детстве мог часами сидеть на берегу

реки, глядя, как вода обтекает камни. Он не думал тогда о будущем. Он не планировал, не ставил целей, не оценивал себя. Он просто сидел. И был счастлив. Не потому, что достиг чего-то. А потому, что был там, в том моменте, полностью, без остатка.

Когда это изменилось?

Когда ему сказали, что сидеть без дела — это стыдно. Что нужно использовать время с пользой. Что жизнь — это достижения, а не созерцание. Что счастье нужно заслужить.

И он поверил.

И начал гнаться.

И потерял способность просто сидеть и смотреть на воду.

— Господин, — сказал он в темноту, зная, что учитель не спит. — А вы сможете меня научить? Не только мечу, но и... этому? Научите меня не гнаться?

Тишина длилась долго. Ученик уже подумал, что учитель уснул. Но потом из темноты пришел голос — спокойный, как вода в глубоком омуте.

— Я не могу тебя этому научить. Это не техника, которую можно передать словами или показать движением. Это то, что ты должен открыть сам.

— Но как? — в голосе ученика прозвучало отчаяние.

— Ты уже начал. Ты задал вопрос. Ты заметил, что живешь не так, как хотел бы. Это первый шаг. Большинство людей не делают даже этого. Они гоняются за призраками всю жизнь и умирают, так и не поняв, что гнались за тенью.

— А второй шаг?

— Второй шаг — это выбор. Каждое утро ты будешь просыпаться и выбирать: смотреть на горизонт или смотреть вокруг. Каждый день ты будешь выбирать: жить ради завтра или жить сегодня. Каждый момент ты будешь выбирать: быть или становиться.

— И это все? — разочарованно спросил ученик. — Просто выбирать?

— А ты думал, будет волшебная формула? — в голосе самурая послышалась усмешка. — Тайное слово, которое открывает ворота счастья? Нет. Счастье не открывается ключом. Оно приходит, когда ты перестаешь искать ключ и просто

начинаешь жить.

Он помолчал.

— Выбирать каждый момент — это самое трудное, что может делать человек. Легче один раз поставить цель и идти к ней, не глядя по сторонам. Легче верить, что счастье где-то там, впереди, и все твои страдания будут вознаграждены. Это легко. Это привычно. Это безопасно.

— А выбирать каждый момент — это страшно. Потому что ты не знаешь, куда придешь. Потому что ты не можешь спрятаться за обещанием будущего. Потому что ты остаешься один на один с настоящим — и настоящим оказываешься только ты. Без завтрашней награды. Без обещания счастья. Только ты и этот миг.

— И что я там увижу? — спросил ученик.

— Ты увидишь себя. Настоящего. Не того, кем ты станешь когда-то. А того, кто ты есть сейчас. И, возможно, тебе это не понравится. Возможно, ты увидишь, что ты не так силен, не так мудр, не так совершенен, как тебе хотелось бы. И это будет больно.

— Но это будет правда, — сказал ученик.

— Да. Это будет правда. И в этой правде — твоя свобода. Потому что, когда ты перестаешь ждать, что станешь кем-то в будущем, у тебя появляется шанс стать кем-то в настоящем. Не идеальным. Не совершенным. Не достойным всех наград мира. А просто — собой. Живым. Настоящим.

Звезды мерцали над ними. Где-то вдалеке ухнула сова. Ветер стих, и ночь стала тихой, как затаившее дыхание.

— Господин, — сказал ученик. — Я хочу попробовать. Я хочу научиться быть здесь. Но я боюсь, что у меня не получится. Что я сорвусь. Что снова начну гнаться.

— Ты сорвешься, — спокойно сказал самурай. — Много раз. Это нормально. Сорок лет привычки не исчезают за один день. Ты будешь ловить себя на мысли «я буду счастлив, когда...» сотни раз. Тысячи. И каждый раз, когда ты это заметишь, ты сможешь сделать выбор.

— Какой?

— Остановиться. Вдохнуть. Посмотреть вокруг. И спросить себя: «А что, если счастье доступно не после, а во время?»

В темноте повисла тишина.

— Что, если счастье доступно не после, а во время? — повторил ученик, пробуя слова на вкус. — Это... это меняет все.

— Это меняет все, — согласился самурай. — Потому что, если счастье доступно во время, то не нужно ждать. Не нужно откладывать. Не нужно заслуживать. Нужно просто быть. Здесь. Сейчас. В этом ветре, в этом свете, в этом дыхании.

Он помолчал.

— Ты спросил меня, смогу ли я тебя научить не гнаться. Я не могу. Но я могу идти рядом. И когда ты будешь срываться, я буду рядом, чтобы напомнить: посмотри вокруг. Твоя жизнь уже здесь. Она не начнется завтра. Она уже началась. Она — сейчас.

Ученик закрыл глаза. Он почувствовал землю под спиной, твердую и прохладную. Он почувствовал ветер, который снова поднялся и шевелил листву над головой. Он почувствовал свое дыхание — ровное, спокойное, живое.

Он не знал, получит ли он когда-нибудь свой первый настоящий меч.

Но в этот момент, лежа под звездами, слушая дыхание учителя и шум ветра, он вдруг понял, что это не имеет значения.

Не потому, что меч не важен. А потому, что есть что-то более важное, чем меч.

Есть эта ночь. Эти звезды. Это дыхание. Этот момент, который никогда не повторится.

И если он пропустит его, думая о мече, то никакой меч не вернет ему эту ночь.

Никакой меч.

VI

Утром они продолжили путь.

Ученик шел впереди, но теперь его шаг был другим. Не таким упругим, не таким торопливым. Он не спешил. Он смотрел по сторонам. Он замечал, как солнце пробивается сквозь листву, как паутина блестит на ветках, как дышит земля под ногами.

Он все еще хотел получить меч. Желание не исчезло. Но

теперь оно было другим. Оно не тянуло его вперед с такой безумной силой. Оно не заставляло его жертвовать настоящим ради будущего.

Он просто шел.

И иногда, когда его мысли начинали убегать вперед, к мечу, к признанию, к будущему, он вспоминал слова учителя и останавливался. Он делал вдох. Он оглядывался.

И мир вокруг становился ярче.

Он не знал, приведет ли этот путь к счастью. Возможно, нет. Возможно, счастье — это не то, что можно найти, следуя по правильной дороге. Возможно, счастье — это не место назначения.

Но он знал другое.

Он больше не откладывал жизнь на потом.

Он жил сейчас. Прямо сейчас. В этом шаге. В этом дыхании. В этом утре, которое никогда не повторится.

А меч... меч придет. Или не придет. Но даже если не придет, эта дорога, эти утра, эти ночи под звездами — они уже

были. Они уже были его жизнью.

И этого, возможно, достаточно.

Более чем достаточно.

В конце главы, когда они остановились на привал у небольшого ручья, ученик спросил:

— Господин, вы сказали, что счастье доступно не после, а во время. Но как это работает? Как можно быть счастливым во время того, что еще не закончилось? Ведь я не знаю, чем это кончится. Вдруг я проиграю? Вдруг я не получу меч? Вдруг все пойдет не так?

Самурай зачерпнул ладонями воду из ручья, напился и сел на берегу.

— Сядь, — сказал он. Ученик сел рядом.

— Смотри на воду, — сказал самурай.

Ученик посмотрел. Ручей был мелким, прозрачным, вода бежала по камням, переливалась на солнце, играла бликами.

— Ты видишь, как она течет?

— Да.

— Она знает, куда течет?

— Вниз. К реке.

— А знает ли она, что ждет ее в реке? Что будет, когда она сольется с большей водой? Будет ли там спокойно или бурно? Встретит ли ее там что-то хорошее или плохое?

— Нет, — сказал ученик. — Она не знает.

— Но она течет. Она не останавливается, потому что не знает будущего. Она не возвращается назад, потому что боится того, что ждет впереди. Она просто течет. И в этом течении — ее жизнь. Не в том, куда она придет. А в том, как она течет.

Он помолчал.

— Счастье — это не конечная точка. Это качество движения. Это то, как ты идешь. Это то, как ты дышишь. Это то, как ты смотришь на мир, когда идешь.

Он посмотрел на ученика.

— Если ты будешь думать только о том, куда придешь, ты никогда не узнаешь, как прекрасен путь. А путь — это и есть твоя жизнь. Не конец. Не итог. Не награда. А каждый шаг, каждый вдох, каждый миг между началом и концом.

Он встал.

— Пойдем. Река ждет.

И они пошли.

Глава 2: Иллюзия «там»

I

Они шли уже пятый день, когда дорога привела их к подножию невысокого перевала. Ветер здесь дул иначе — более резкий, более сухой, чем в долине, которую они покинули. Ученик чувствовал, как меняется воздух, как меняется запах земли, и в этом было что-то волнующее. Новое место всегда казалось ему обещанием новой жизни.

— Господин, — сказал он, когда они остановились передохнуть у старого придорожного камня, покрытого мхом. — Я думал о том, что вы говорили вчера. О счастье, которое не там, а здесь. И я понял одну вещь.

— Какую? — спросил самурай, присаживаясь на камень и доставая флягу с водой.

— Я понял, что я всегда думал, будто счастье находится в другом месте. Не там, где я сейчас. Когда я был ребенком, я думал, что стану счастливым, когда вырасту. Когда я вырос, я думал, что стану счастливым, когда стану воином. Когда я стал учеником, я думал, что стану счастливым, когда получу меч. И теперь я думаю, что стану счастливым, когда мы дойдем до реки.

Он помолчал.

— Получается, что счастье всегда в другом месте. Всегда не здесь. Всегда не сейчас. Это... это похоже на болезнь.

— На болезнь, которую называют «географическим решением», — кивнул самурай. — Вера в то, что счастье находится в другом месте. В другой деревне. В другой стране. В другой должности. С другим человеком. Если бы я был там, если бы у меня было то, если бы я был с тем — тогда я был бы счастлив.

Он сделал глоток воды и протянул флягу ученику.

— Знаешь, это одна из самых древних иллюзий человечества. Мы убегаем. Мы ищем. Мы пересекаем моря и горы в поисках места, где, как нам кажется, нас наконец примут, где нас наконец наполнят, где мы наконец почувствуем то, чего нам так не хватает. Но мы никогда не находим этого места.

— Почему? — спросил ученик.

— Потому что мы ищем не то место. Мы ищем чувство. А чувство нельзя найти в географической точке.

Самурай помолчал, глядя на дорогу, уходящую вверх по склону.

— Я расскажу тебе историю. Она об одном воине, который жил много лет назад. Возможно, ты слышал о нем. Его звали Такэда.

II

— Такэда был молодым воином, — начал самурай, и голос его стал глубже, как у рассказчика, который погружается в историю. — Он был силен, ловок, умен. Но он не был счастлив. Ему казалось, что его жизнь проходит впустую, что он недостаточно хорош, что мир, в котором он живет, слишком мал для него.

Однажды ночью ему приснился сон. Во сне он стоял у подножия огромной горы, вершина которой уходила в облака. Гора была покрыта снегом, и снег этот светился в лунном свете так, что казалось, будто сама гора излучает свет. У подножия горы сидел старец с длинной белой бородой. Старец посмотрел на Такэду и сказал: «Тот, кто достигнет вершины этой горы, обретет то, что ищет».

Такэда проснулся с чувством, что это был не просто сон. Это было послание. Он начал спрашивать всех, кто встречался ему на пути, о горе из сна. Никто не знал такой горы.

Но чем больше ему говорили, что такой горы не существует, тем сильнее он верил, что она существует. Где-то там. За горизонтом. За морями. За странами.

— И он отправился на поиски? — спросил ученик.

— Он продал все, что имел. Дом, доспехи, землю. Он оставил себе только меч, немного риса и одежду, в которой стоял. И он ушел. На запад. Потому что во сне гора была на западе.

Он шел через равнины и леса. Он переходил реки. Он пересекал пустыни, где солнце жгло так, что кожа трескалась. Он терял спутников, которые начинали путь вместе с ним, но потом поворачивали назад. Они говорили ему: «Такэда, ты гонишься за сном. Горы, которую ты ищешь, не существует». Но он не слушал. Он знал, что она есть. Где-то там. Дальше. За следующим перевалом.

— Сколько он шел? — спросил ученик.

— Десять лет, — сказал самурай. — Десять лет он шел на запад. И наконец, когда силы были уже на исходе, когда рис давно кончился и он питался кореньями и тем, что удавалось добыть в лесу, он вышел к океану.

Он стоял на берегу и смотрел на бескрайнюю воду. И он понял, что гора, которую он ищет, находится не на этой земле. Она находится за океаном. Он нашел рыбаков, которые согласились перевезти его на другой берег. Они плыли много дней. Такэда смотрел на воду и видел в ней отражение горы, которую он искал. Ему казалось, что он уже почти у цели.

Когда они причалили к берегу, он ступил на землю и почувствовал... что-то. Что-то, чего он не чувствовал раньше. Ему показалось, что воздух здесь чище, что земля здесь тверже, что небо здесь ближе. Он подумал: «Я нашел ее. Я нашел землю, где находится моя гора».

— И он нашел гору? — спросил ученик.

— Он нашел, — кивнул самурай. — Он прошел еще три года по этой новой земле. Он учил новый язык, привыкал к новой пище, к новым обычаям. Он терял надежду и находил ее снова. И однажды, когда он уже почти сдался, он увидел ее.

Гора поднималась из земли, как гигантский клинок, воткнутый в тело мира. Она была белой от снега, и снег этот светился в лунном свете так, как светился в его сне. Она была здесь. Она существовала.

Такэда упал на колени. Он плакал. Десять лет и три года. Тринадцать лет пути. Он нашел ее. Он наконец нашел то, что искал.

— И что было дальше? — голос ученика дрогнул. Ему хотелось, чтобы история закончилась хорошо. Чтобы Такэда поднялся на вершину и обрел счастье.

— Дальше, — сказал самурай, — он подошел к подножию горы. И сел.

— Сел? — удивился ученик. — Но разве он не должен был подняться на вершину?

— Он хотел. Но он был слишком стар и слишком слаб. Тринадцать лет пути истощили его силы. Он не мог подняться. Он мог только сидеть у подножия и смотреть на вершину, до которой ему было не добраться.

— Это ужасно, — прошептал ученик. — Все эти годы — и ничего.

— Ты думаешь, ничего? — спросил самурай.

— Ну... он не достиг вершины. Он не получил то, за чем шел.

Самурай покачал головой.

— Он сидел у подножия горы и смотрел на нее. И в какой-то момент — он сам не понял, когда это случилось — он перестал смотреть на вершину. Он начал смотреть вокруг.

Он увидел траву у своих ног. Такой зеленой травы он не видел никогда в жизни. Он увидел цветы, которые росли у подножия горы, — маленькие, белые, с тонким сладким запахом. Он увидел ручей, который бежал рядом, и вода в нем была такой чистой, что сквозь нее было видно каждый камешек на дне.

Он сидел и смотрел. И вдруг он понял.

— Что он понял? — спросил ученик.

— Он понял, что искал не гору, — сказал самурай. — Он искал чувство, которое, как ему казалось, ждет его у подножия горы. Чувство покоя. Чувство завершенности. Чувство, что он наконец дома. И это чувство...

Самурай помолчал.

— Это чувство было с ним всегда. Оно было с ним, ко-

гда он шел по равнинам. Оно было с ним, когда он пересекал пустыни. Оно было с ним, когда он плыл по океану. Оно было с ним каждую секунду его пути. Но он не мог его заметить, потому что был слишком занят поисками горы. Он думал, что чувство придет, когда он найдет гору. А чувство было там, в каждом его шаге. В каждом рассвете, который он встречал на дороге. В каждом разговоре с попутчиками. В каждой ночи под звездами.

— Но если чувство было с ним, почему он не чувствовал его? — спросил ученик.

— Потому что он смотрел не туда, — ответил самурай. — Он смотрел на горизонт. Он искал счастье «там». А счастье было «здесь». Оно всегда было «здесь». Но «здесь» казалось ему недостаточно хорошим. «Здесь» было просто дорогой к «там». Он не замечал красоты дороги, потому что думал только о цели. И только когда цели не стало — когда он понял, что не может подняться на вершину — он наконец остановился и увидел то, что было перед ним все это время.

Он провел у подножия горы три дня. Он пил воду из ручья. Он вдыхал запах цветов. Он смотрел, как облака проплывают над вершиной, закрывая ее и открывая снова. А на четвертый день он встал и пошел обратно.

— Обратнo? — удивился ученик. — Но зачем? Он же так долго шел!

— Он пошел обратно, чтобы вернуться домой. Но теперь он шел иначе. Он не торопился. Он не смотрел на горизонт. Он шел медленно, внимательно, замечая каждую деталь. И дорога, которая казалась ему раньше пустой и бессмысленной, теперь была полна жизни. Он видел то, чего не видел раньше. Он чувствовал то, чего не чувствовал раньше. Потому что он перестал искать. Он начал видеть.

— А гора? — спросил ученик. — Он пожалел, что не смог подняться на нее?

— Он сказал так, когда вернулся домой. Его спросили: «Ты нашел то, что искал?» Он ответил: «Я искал гору, а нашел дорогу. Я искал счастье, а нашел, что счастье — это не то, что находят. Это то, что замечают».

Самурай замолчал. Ученик сидел, переваривая услышанное. Ветер шевелил его волосы, и где-то далеко внизу, в долине, пела птица.

— Господин, — сказал он наконец. — Это ведь не просто история о Такэде. Вы говорите о нас. Обо мне.

— Я говорю о каждом, кто верит, что счастье находится в другом месте, — ответил самурай.

III

Они двинулись дальше. Перевал был невысоким, и к полудню они уже спускались в следующую долину. Но ученик не замечал ни усталости, ни жары. Его мысли были заняты историей Такэды.

Он думал о том, как часто в своей жизни он говорил себе: «Вот там будет лучше». Когда он жил в родной деревне, ему казалось, что жизнь настоящая начнется, когда он попадет в город. Когда он попал в город, ему казалось, что настоящая жизнь начнется, когда он станет учеником в школе воина. Когда он стал учеником, ему казалось, что настоящая жизнь начнется, когда он получит меч.

И так без конца.

«Там» всегда было лучше, чем «здесь». «Потом» всегда было важнее, чем «сейчас».

Но что, если «там» не существует? Что, если есть только «здесь»? Что, если есть только «сейчас»?

Мысль была пугающей. Потому что если нет «там», если

счастье не ждет его в будущем, в другом месте, с другим человеком, с другим статусом — то где оно? Оно должно быть где-то. Оно не может просто... отсутствовать.

— Господин, — спросил он, догоняя учителя. — А почему мы так устроены? Почему нам всегда кажется, что счастье где-то еще? Почему мы не можем просто быть счастливыми там, где мы есть?

Самурай остановился. Он посмотрел на ученика, и в его взгляде было что-то похожее на уважение — к вопросу, к смелости задать его.

— Это хороший вопрос. Самый важный из всех, которые ты мог бы задать. Потому что, если ты поймешь, как устроен твой ум, ты сможешь перестать быть его рабом.

Он сел на большой камень у обочины и жестом пригласил ученика сесть рядом.

— Наш ум устроен так, что он всегда ищет. Он ищет опасность, чтобы защитить нас. Он ищет пищу, чтобы насытить нас. Он ищет партнера, чтобы продолжить род. Это его работа. Он не умеет останавливаться. Для него остановка — это смерть.

— Но при чем здесь счастье? — спросил ученик.

— При том, что ум не отличает реальную опасность от воображаемой. И он не отличает настоящее счастье от обещания счастья. Когда ты говоришь себе: «Я буду счастлив, когда получу меч», твой ум слышит: «Счастье — в мече». И он начинает гнаться за мечом. Он не спрашивает, правда ли это. Он просто делает то, что умеет лучше всего: гонится.

— Но разве это плохо? — спросил ученик. — Разве стремление к целям — это не то, что двигает нас вперед?

— Стремление к целям — это не плохо, — сказал самурай. — Плохо, когда ты путаешь цель с источником счастья. Меч — это цель. Это инструмент. Это может быть хорошо сделанная вещь, которая приносит радость своим мастерством. Но если ты думаешь, что меч сделает тебя счастливым, ты попадаешь в ловушку.

— Какую?

— Ловушку, в которую попал Такэда. Ловушку, в которую попадают все, кто верит, что счастье находится в чем-то внешнем. Они достигают цели, получают то, что хотели — и... ничего не чувствуют. Или чувствуют радость, но она проходит через день, через неделю, через месяц. И они ду-

мают: «Значит, это была не та цель. Нужна цель побольше». И ставят новую. И снова достигают. И снова чувствуют пустоту.

Он помолчал.

— Это называется гедонистической адаптацией. Ученые называют это так. Ты привыкаешь к любому уровню благополучия. То, что вчера казалось мечтой, сегодня становится нормой. А завтра — недостаточным. Твой ум постоянно поднимает планку. Он никогда не говорит: «Хватит, я удовлетворен». Он всегда говорит: «Хорошо, но теперь давай больше».

— Это похоже на... — ученик запнулся, подбирая слово.

— На наркотик, — закончил самурай. — Это похоже на наркотик. Ты принимаешь дозу, тебе становится хорошо. Потом действие проходит, и ты хочешь больше. С каждой новой дозой тебе нужно все больше, чтобы получить тот же эффект. И в конце концов ты либо погибаешь от передозировки, либо понимаешь, что гнался за призраком.

— И как понять, что ты гонишься за призраком? — спросил ученик.

— Есть один признак, — сказал самурай. — Самый верный.

— Какой?

— Ты думаешь: «Я буду счастлив, когда...» Когда ты ловишь себя на этой мысли — это признак того, что ты в ловушке. Потому что настоящее счастье не знает слова «когда». Оно не откладывается на потом. Оно не ждет выполнения условий. Оно просто есть. Или его нет.

Он встал.

— Пойдем. Солнце уже высоко, а нам нужно найти воду до наступления темноты.

IV

Они шли дальше, и ученик думал о словах учителя. Он начал замечать, как часто в его голове возникает мысль «я буду счастлив, когда...». Сначала ему казалось, что это случается изредка. Но чем внимательнее он прислушивался к себе, тем больше этих мыслей находил.

Я буду счастлив, когда мы дойдем до реки.

Я буду счастлив, когда учитель похвалит меня.

Я буду счастлив, когда стану сильнее.

Я буду счастлив, когда забуду о своей глупости.

Я буду счастлив, когда... когда... когда...

Его ум был полон этих «когда». Они роились, как мухи, и он не знал, как от них избавиться.

— Господин, — сказал он вечером, когда они разбили лагерь. — Я пытаюсь ловить себя на мысли «я буду счастлив, когда...» и их так много, что я не успеваю их ловить. Это безнадежно.

— Это не безнадежно, — сказал самурай. — Это начало.

— Начало чего?

— Начало осознания. Ты никогда не замечал эти мысли раньше, и они управляли тобой, как хозяин управляет собакой. Теперь ты начал их замечать. Это первый шаг к тому, чтобы перестать быть их рабом.

— Но как мне перестать быть их рабом? — спросил ученик. — Я не могу просто выключить свой ум.

— Не нужно выключать ум, — сказал самурай. — Нужно научиться с ним разговаривать. Когда ты слышишь мысль «я буду счастлив, когда получу меч», ты можешь спросить себя: «Это правда? Меч действительно сделает меня счастливым? Или я просто так привык думать?»

Он помолчал.

— В этом разница между животным и человеком. Животное не может спросить себя: «А правда ли то, что я думаю?» Человек может. В этом наша свобода.

— Но если я спрошу себя, правда ли это, я ведь могу понять, что это неправда. И тогда... что тогда? Если меч не делает меня счастливым, то зачем мне тогда меч? Зачем мне вообще что-либо делать?

Самурай улыбнулся.

— Ты путаешь две вещи. Делать и ждать счастья от того, что ты делаешь. Ты можешь стремиться к мечу. Ты можешь учиться владеть им. Ты можешь получать удовольствие от процесса обучения, от мастерства, от того, как клинок ложится в руку. Но если ты думаешь, что счастье придет вместе с мечом, ты будешь разочарован. Меч не приносит сча-

стья. Он приносит возможности. А счастье — это то, что ты приносишь в каждое свое действие.

— Как это — приносить счастье в действие?

— Это значит — быть в нем полностью. Не откладывать радость на потом. Не думать: «Вот сейчас я сделаю это трудное дело, а потом, когда оно закончится, я отдохну и буду счастлив». А сделать это трудное дело так, чтобы уже в процессе чувствовать радость. От усилия. От движения. От того, что ты жив и способен действовать.

Он посмотрел на костер, который разгорался все ярче.

— Знаешь, в чем разница между западным воином и восточным? Западный воин сражается, чтобы победить. Восточный воин сражается, потому что сражение — это способ быть живым. Для него победа — это не главное. Главное — качество его присутствия в бою. Если он сражается хорошо, если он полностью в моменте, если его ум спокоен, а тело действует как единое целое — он уже счастлив. Победа или поражение — это вторично.

— Но разве не все хотят побеждать? — спросил ученик.

— Все хотят. Но если счастье зависит от победы, то ты

будешь счастлив только иногда. А если счастье — это качество твоего действия, то ты можешь быть счастлив в каждом моменте, независимо от результата.

Самурай замолчал. Ученик сидел, глядя на огонь, и пытался понять, как это возможно — быть счастливым независимо от результата. Это казалось ему почти невозможным.

— Господин, — спросил он наконец. — А вы сами... вы смогли так научиться? Быть счастливым в действии, не ожидая результата?

Самурай долго молчал. Потом сказал:

— Я учусь. Каждый день. Иногда у меня получается. Иногда нет. Но я заметил одну вещь.

— Какую?

— Когда у меня получается — когда я полностью в моменте, когда я не жду награды, не боюсь поражения — тогда я чувствую себя живым. По-настоящему живым. А когда я срываюсь и снова начинаю гнаться за результатом, я чувствую себя... как будто меня нет. Как будто я сплю на ходу. И это ощущение — пустота, отсутствие жизни — оно для меня хуже любого поражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.